

НА ЭТОЙ СТРАНИЦЕ: РАССКАЗЫВАЕМ О ЮБИЛЕЕ АКТЕРА
РЕСНОМ, НЕОБЫЧНОМ ● У ПОЖАРНИКОВ — НОВИНКА

Мои года — мое богатство

Бежит река Угла мимо деревень и перелесков неторопливо. Где омуток, где завиток, где островок, лозняком поросший, — небольшая речка, да радость людям. И рыбака в ней водится. Зимой из Вологды на Углу приезжают рыболовы. Поезд на станцию Шексна приходит рано. Рыбаки ежатся, не выспались. На спинах рюкзаки с зимними короткими удочками, снедью для себя и приманкой для рыбешек.

Довелось и мне однажды в такой компании в немислимую рань пройти к реке, то и дело увязая в глубоком снегу. И знала я среди этих заядлых рыболовов одного человека... На ногах валенки, поверх старого зимнего давно вышедшего из моды пальто — брезентовый плащ с кашпоном. Очки. А возраст — не сразу определишь.

Человек этот часто ездит в поездах. В вагоне незнакомые попутчики, как-то сразу проникнув к нему симпатией, пытаются определить, кто он. Один скажет, что «вылитый» агроном, другой назовет его геологом, третий уверенно заявит, что это бухгалтер-ревизор.

Людам с ним интересно. Вроде бы говорит о самом обыкновенном, что оскомину набито, а занятие — слушал бы и слушал. Человеку этому и в самом деле кем только не приходилось быть — «проживать жизнь» людей разных профессий, судеб, социальных рангов всех времен и эпох. И происходило все это на сцене театра, ибо он не кто иной, как заслуженный артист РСФСР Леонид Сергеевич Державин.

Я хорошо запомнила его тогда на рыбалке на Угле, такого сосредоточенного и погруженного в свои думы над темным пятном лунки. Не об окуньях же он думал. Вероятно, иные мысли и думы посещали этого человека в эти блаженные тихие часы. Чьи-то жизни, чьи-то судьбы волновали художника. Возможно, он думал над своим героем в новом спектакле. Не знаю, так ли это, но стремился Леонид Сергеевич на этот заснеженный тихий уголок на реке не только ради улова...

В памяти живут многие работы Леонид Сергеевича. В спектакле «Не было ни гроша, да вдруг алтын» по пьесе А. Островского Державин играл Крутицкого. Играл — это не точное слово. Он за малое время на небольшом квадрате сцены «прожил» жизнь человека редчайшей пагубной страсти. Внешне — циничный, сутулившийся, будто страх потерять накопленное пригнул его голову. В затрапезной шинели, которая как бы навеки приросла к его линялой фигуре. На лице — глухога ко всякой человеческой доброте.

Никакая сила не могла бы отнять у него даже малую часть накопленного. И вот такой Крутицкий Державин перед кончиной на миг очнулся от как бы во сне прожитой жизни. Но этот проблеск тут же угас вместе с жизнью. Нелепо жил на земле человек, не подарив людям ни крупицы доброты и радости.

И еще ярка в памяти роль Перчихина, исполненная Леонидом Сергеевичем Державиным в спектакле «Мещане» А. М. Горького. Конечно, такая глыба в литературе, как Горький, создавший пьесу «Мещане», дал талантливому артисту почву, на которой не могло не проявиться актерское дарование. Это настоящая драматургия, где каждое слово — правда. И эту горьковскую правду Перчихина Леонид Сергеевич точно передал со сцены зрительному залу. Именно за эту роль артист Державин и был удостоен звания заслуженного артиста РСФСР.

У периферийных артистов жизнь не из легких. Сколько им приходится поездить по глубинке! Особенно труппа молодежного театра, где сейчас работает Леонид Сергеевич. Бывало, у Леонид Сергеевича друзья спрашивали: «Зачем жизнь себе усложняешь? Работал бы в драматическом, гастроли в большие города, сцены нормальные, гостиницы». А он отшучивался: «Боюсь жиром обрасти.

Мне интересно работать в молодом коллективе. Не дадут состариться...».

А как Леонид Сергеевич стал актером? Был он рабочим-электриком, затем машинистом крана, работал на одном из уральских заводов в годы первых пятилеток. И что-то тревожило Леонида Державина, жил в нем огонек творчества. Недаром же, когда театр драмы в Свердловске объявил набор в театральную студию, он подал заявление. И к радости, его приняли. Началась у него жизнь совсем новая, полная надежд, раздумий, удач и разочарований, потерь и находок, и постоянных сомнений — а то ли я делаю? Было время, когда все это бросить хотелось, да вот же не бросил. Пробовал себя и в режиссуре.

И в 1941 году Леонид Державин работал в Абаканском драматическом театре в Хакасии. Война. Голод... Нет транспорта, нет дорог, вернее, они были, но такие, что всю жизнь будут в тяжелых свих грезиться. И сколько же по этим дорогам хоженое пешком, с костюмами и декорацией на плечах, без завтрака, обеда и ужина... Это время не забыть.

В многочисленных госпиталях прибывали и прибывали раненные. Он сколачивал концертные группы, и они давали концерты в госпиталях, выезжали в отдаленные хакассские улусы, колхозы, совхозы, рудники... На этих предприятиях люди работали без учета времени. Их надо было поддерживать правдивым словом, песней, шуткой, злой сатирой на врага. Для раненых и рабочих приезд артистов был, как глоток чистого воздуха.

В то время Абаканский театр осуществил постановку спектакля «Хищница» Бальзака. Артист Леонид Державин играл в нем старика Руже — роль психологически весьма сложную. «Нас всех — и работников театра, и зрителей — буквально потрясла игра Державина, настолько был достоверен и правдив его старик Руже. А ведь Державину в то время было немногим больше двадцати», — вспоминает бывший директор Абаканского театра Я. Ф. Нусс.

Этот же спектакль много лет спустя был осуществлен и в Вологде Матильдой Кригер — режиссером из Польши, и имел большой успех у зрителей-вологжан.

Путь творческого человека в искусстве сложен. Леонид Сергеевич много поездил, работал в разных городах, в разных творческих коллективах. Искал «свой» театр, «своего» режиссера. Оставил у него добрую память коллектив Ачинского драматического театра и особенно интересная работа с талантливым режиссером Я. А. Волгиным. За длительные годы работы в разных театрах было сыграно Леонидом Сергеевичем множество ролей. Он всегда очень бережно и любовно относился и к эпизодическим, так называемым маленьким ролям. Но, конечно же, такие работы, как Кисельников в «Пучине», Дормидон в «Поздней любви», Робинзон в «Бесприданнице» — в спектаклях по пьесам А. Островского, любимого драматурга артиста, были духовным наслаждением и радостью творческого труда. Радость доставила и работа в «Поднятой целине» Шолохова над образом деда Шукаря.

А я очень хорошо помню Леонида Сергеевича в спектакле «Власть тьмы» Толстого. Его дед Аким беспомощен, невзрачен, но сilen непоколебимой жаждой добра и справедливости. Он знает свою правду, но не может ее внушить другим, а потому мучается.

Целому ряду работ Леонид Сергеевича уделяла внимание центральная пресса. В журналах «Театральная жизнь» и «Театр» не раз отмечались творческие успехи — это и часовщик в «Кремлевских курантах», и роль секретаря райкома Теньгаева в спектакле «Мое сердце с тобой», и роль кладбищенского сторожа Приходько в «Гяжком обвинении».

Навсегда останутся в биографии Державина города — Свердловск, Златоуст, Пермь, Воткинск, Челябинск, Абакан, Ачинск, Красноярск, Кустанай, Липецк, Армавир, Ульяновск... И все же Вологда и вологодский театр — это самый значительный период творческой жизни артиста, период его зрелого мастерства.

Настоящий художник никогда не бывает доволен тем, что сделал за жизнь. И у Леонида Сергеевича была мечта сыграть дядю Ваню Чехова, Мармеладова Достоевского, Старика Горького...

Но он еще и общественный деятель, болезненно рдеющий за культуру на селе. Как-то звоню Нине Ивановне — другу и жене Леонида Сергеевича, спрашиваю:

- Где сам?
- А уехал с лекцией в район.
- В такую непогоду?
- Вот уехал, и все тут!

Известно мне и то, как Леонид Сергеевич в пять часов утра отправляется на автобусную станцию, затем идет пять километров пешком по снежным заметам, добирается до избышки в деревне, топчет там застывшую русскую печь, печет картошку, прислушивается к метельным ветрам. На следующий день к ночи возвращается в город усталый и счастливый. Зачем это? Да чтобы отдохнула душа.

И мне кажется, что Леонид Сергеевич — действительно счастливый человек — художник, супруг, отец, дед в свои семьдесят лет.

А. МЕДВЕДСКАЯ.